

При чем здесь религиоведение, или чем озабочены тюменские религиоведы?

Вопросы межрелигиозного диалога при всей своей актуальности остаются достаточно острыми, дискуссионными и недостаточно разработанными как философски, так и политически.

Не случайно в подобные споры втягиваются специалисты различных областей знания, а также представители различных мировоззренческих систем, что вполне закономерно в поликультурной России, вступившей в эпоху идейного плюрализма.

В последнее время все чаще появляются публикации, так или иначе анализирующие ситуацию в современной духовной жизни области, а точнее, ее межконфессиональном пространстве. В частности, вопросам «духовной войны» посвящается недавно опубликованная в «Сибирской православной газете» обобщающая статья профессора кафедры религиоведения ТГНГУ С.П. Суровягина под заголовком «Поговорим начистоту». Автор рассуждает о целом ряде важнейших проблем, которые, вне всякого сомнения, требуют глубокого анализа и пристального внимания ученых. Наш отклик на указанную статью касается только одного ее аспекта – религиоведческого дискурса обсуждаемой проблематики. Позволим себе сформулировать ряд возражений и высказать собственную точку зрения по этому актуальному вопросу.

Странное представление о религиоведах и религиоведении может сложиться у читателя, познакомившегося со статьей «Поговорим начистоту». Один религиовед (начинающий, но уже титулованный) отвергает «неязыческую чушь», не ведая, по всей вероятности, о таком религиоведческом понятии, как НРД (новые религиозные движения), включающем в себя и неохристианство, и неоориентализм, и неоязычество. Другой религиовед (профессор кафедры религиоведения) озабочен «травлей» священников РПЦ, которая в его статье органически связана с «клеветой на религиоведов».

В целом, и тематика вопросов, и полемический пафос статьи представляются вполне обоснованными. Никому сегодня не возбраняется вести мировоззренческую полемику, защищать собственные убеждения, аргументированно критиковать идеологических или политических оппонентов, хотя о корректности аргументации позаботиться все-таки не мешает. Настоятельно требует ответа один-единственный вопрос: при чем здесь религиоведение? Религиоведческий дискурс весьма далеко отстоит от подобной полемики. Религиоведческий аргумент, в отличие от аргументации обсуждаемой статьи, не предполагает ссылок на великий ум Достоевского или Толстого, на мнение представителя президента, начальника департамента или заведующего кафедрой православной академии. Религиоведческий аргумент строится не на политическом или сравнительно-религиозном знании, а на сравнительно-религиоведческом знании о религии, ее истории, социологии, антропологии, культурологии. В таком дискурсе разговор был бы именно религиоведческим, а не конфессионально-идеологизированным или политизированным, не религиозно-философским, а философско-религиоведческим.

Поначалу речь идет о духовной сути русской культуры, а точнее – о русской национальной религии. По этой причине возникает религиоведческий аспект, на который и сделано ударение: акценты расставляет компетентный в обсуждаемых проблемах специалист-религиовед. Между тем сама постановка вопроса является дискуссионной, как и вся философская область «русской идеи». Однако автор статьи заявляет, что этот дискуссионный научный вопрос можно решить разговором «начистоту», т.е. «объективно-научно». После столь смелого заявления читателю предложена идеологически выверенная полемическая аргументация авторского взгляда на проблему. Апеллируя к объективности и научности, автор постоянно использует в качестве аргумента историческую истину, но как-то крайне специфически, поскольку при этом он ссылается на «научные» православно-теологические, а не религиоведческие источники. Это вполне логичный и последовательный шаг, если религиоведение и теология на кафедре религиоведения ТГНГУ суть одно и то же. Тогда уже ничуть не странно, что профессор-религиовед обращается с историческими фактами вполне в традиции идеологии РПЦ, утверждая, что в русскую нравственно-психологическую почву «греческое христианство легло как в родное лоно, и заколосилась Русь новой, из души народа идущей культурой –

православной». В этой цитате предельно явно видны и противоречия (новой культурой заколосилась Русь, значит, была и старая, древнерусская, политеистическая культура, поскольку сама-то православная культура отнюдь не новое явление, не на Руси рожденное, она нова лишь для русской культуры), и игнорирование известных исторических свидетельств в пользу отнюдь не такого уж гладкого процесса «крещения Руси».

Претензия на «подлинно научное рассмотрение проблемы» незаметно превращается в претензию на подлинность своей истины и убеждений. В частности, удивляет категорическое резюме: «Нет, не совсем то имел в виду академик Рыбаков, что понял культуролог – оппонент религиоведа». Даже если оставить в стороне шокирующую мощь когнитивного прорыва, разве не очевидно, что не только автору обсуждаемой статьи принадлежит право понимать, что именно имел в виду академик Рыбаков. По крайней мере, сила научных трудов последнего заключается в их предельной документальности, а уж интерпретация – дело известное, кто как сумеет. Сам академик был весьма строг с этим, о чем свидетельствуют личные наблюдения автора этих строк, которой посчастливилось слушать лекции Б.А. Рыбакова и задавать вопросы, уточняющие, что именно он имеет в виду, в частности, по специфике дохристианской культуры Руси...

Если судить по историческим источникам, христианизация Руси проводилась, во-первых, не по воле народа, а «сверху», государственной реформой, не спросившись народа, а во-вторых, христианизация проводилась в течение нескольких веков, на протяжении которых многонациональный народ с большим или меньшим успехом сопротивлялся этой реформе. Чтобы убедиться в специфике массового крещения, достаточно, к примеру, обратиться к историческим документам о крещении коренных народов Тюменского Севера. Да и само русское православие отличается от греческого (византийского) именно тем, что сохранило древнерусские политеистические культурные традиции (святки, семик, масленицу и т.п.), а жестокий церковный раскол в XVII в. свидетельствует опять же о нежелании народа корректировать древнерусские (ставшие «древлеправославными») обряды по греческому образцу, что и породило движение старообрядцев.

Вернемся к собственно религиоведческой теме, которая обозначена в рассуждениях о «духовной войне». Разве требуется еще кому-то объяснять, что православного религиоведа не бывает, как не бывает и мусульманского, протестантского и т.п. Бывает православный (протестантский, буддийский и т.п.) верующий, теолог (богослов), философ. Религиовед, как и любой ученый, любой специалист, может иметь религиозные убеждения в личной, но не в профессиональной сфере, где такие убеждения неуместны, если он профессионал. А различие терминов «религиовед» и «теолог» зависит не от «грамматического вкуса», как это подается в обсуждаемой статье, а от религиоведческой грамотности, поскольку термин «православный религиовед» попросту некорректен, как некорректен термин «православный социолог», «православный экономист», «православный психолог» и т.п. Речь идет не о «запрете на профессию для православных», а о том, что конфессиональные стандарты в науке, как известно, никто пока не утвердил. Поэтому сам вопрос о «светском и конфессиональном религиоведении» не представляется корректным, как и вопрос о конфессиональной и светской социологии, психологии, этнографии, истории и т.п. Конфессиональный аспект этих наук возможен лишь в рамках богословской интерпретации.

Любому профессиональному религиоведу понятна и очевидна необходимость отличать методологию теологов (богословов), равно как и конфессиональных «вероведов» (специалистов в сфере конфессиональной вероисповедной идеологии и философии), пропагандистов какого-то (в данном случае православного) вероучения от методологической позиции религиоведов. Сама суть классического сравнительного религиоведения (в отличие от сравнительной теологии) заключается в беспристрастности первого по сравнению с претензией на исключительную истину своей конфессии – у последней. Теология отстаивает и пропагандирует истину своего вероучения, своего Бога, а религиоведение занято поиском истины не о Боге, а о религии как социокультурном явлении и пропагандирует научные знания обо всех религиозных направлениях.

Именно поэтому для религиоведа, в отличие от богослова и «вероведа», любая идея Бога и любая религиозная истина паритетны, будь то истина язычника, мусульманина, пятидесятника, католика, иеговиста, вайшнава и т.п., тем более что в мире насчитывается несколько тысяч таких истин, а в России – более сотни. Как известно, в Тюменской области официально зарегистрированы религиозные организации, принадлежащие двум десяткам конфессий. Об «истинности» какой из этих двадцати истин должен заботиться религиовед? Сам вопрос выглядит странным. Дело религиоведа – не защищать одну конфессию от другой, а изучать и анализировать специфику религиозных течений, проводить экспертизу интолерантных и экстремальных явлений на религиозной почве, развивать межконфессиональный диалог. Это дело религиоведа, поскольку именно религиовед обязан обладать полнотой сравнительной информации в сфере религиозных процессов, а также диагностическими методиками, позволяющими провести бесстрастную,

непредвзятую (свободную от идеологии и интересов любой Церкви) религиоведческую экспертизу для определения деструктивных, социально опасных явлений на почве использования религиозных идей и мотивации. Для этого религиовед обязан быть не только историком и философом, но и социологом, культурологом, психологом, антропологом, поскольку именно перечисленные научные измерения религии составляют структурный континуум религиоведения. Весьма странным в этой связи представляется противопоставление культуролога и религиоведа в статье уважаемого профессора кафедры религиоведения.

Вопрос о религиозной толерантности непросто и неоднозначен, эта тема уже не раз и не два обсуждалась в различных ракурсах. Автор статьи не дает религиоведческого ответа на вопрос, почему священники РПЦ не участвуют в межконфессиональном диалоге с протестантами, вайшнавами, иудеями и др.? Почему отказываются участвовать в круглых столах и встречах с представителями других христианских конфессий, а также в совместных социальных проектах? Если по вероисповедным, церковным, религиозным мотивам, в соответствии с документами РПЦ (в частности, документом «Основные принципы отношения РПЦ к инославиям», 2000 г.), то вывод напрашивается только один – об интолерантности православной идеологии, а если по иным причинам, то почему они не анализируются в открытом религиоведческом дискурсе?

Что касается религиоведческой толерантности, то и здесь не все благополучно. К сожалению, статья демонстрирует отнюдь не толерантное стремление не только расставить профессиональные приоритеты в пользу РПЦ, в частности, как единственной защитницы закона, но и побольнее задеть протестантов, ссылаясь то на «беззаконие адвентистов», то на мнение покойного главы комитета по национальностям, а также поставить под сомнение профессионализм ученых кафедры философии ТюмГУ, положенных на лопатки философской эрудицией «православного студента кафедры религиоведения ТГНГУ», назвать чужие убеждения «чушь» и т.п. Пафос защиты священников РПЦ «от клеветы» строится именно на подобных аргументах, далеких от толерантности и объективности, однако постулируемых как принципиальные («начистоту») и «объективно-научные». Названное голословное обвинение «религиоведами-неучами» священников РПЦ в нетолерантности перестает казаться голословным после внимательного прочтения столь предвзятой и нелояльной к инакомыслию публикации. Не пора ли разрабатывать новый термин – «воинствующее религиоведение»?

«Никак не мешает православие стать прекрасно образованным светским специалистом-религиоведом», – таков итоговый вывод статьи. О каком светском специалисте-религиоведе идет речь? Если о «православно-светском», то это – новое слово в религиоведческой специализации, мировому и отечественному религиоведению не известное и изобретенное на кафедре религиоведения ТГНГУ. Именно на такую «твердую» почву профессор этой кафедры категорически приглашает встать всех «вольношатающихся» «знатоков религии», которые все еще путаются под ногами, осмеливаются иметь не только религиоведческие знания, отличные от «единственно истинных православно-религиоведческих», но и собственную мировоззренческую позицию.

На протяжении последних лет автору этих строк в силу своих научных интересов приходилось нередко выступать с религиоведческими докладами на международных и всероссийских научных форумах профессиональных религиоведов (на секции философии религии философского конгресса в Москве-2005, секции социологии религии социологического конгресса в Москве-2006, международной теоретической конференции религиоведов в Санкт-Петербурге-2006, научно-практической конференции сибирских религиоведов в Новосибирске-2005 и др.), где, к удивлению и сожалению, ни разу никто из религиоведов выпускающей кафедры религиоведения ТГНГУ не выступал и не интересовался профессиональными проблемами и опытом коллег, руководителей ведущих российских кафедр. Не имея публикаций в российском научном журнале «Религиоведение», ученые тюменской кафедры религиоведения, вместе с тем, регулярно публикуются в православных изданиях. Очевидно, у этой кафедры собственный (православно-теологический) путь в религиоведении, собственная (православно-теологическая) методология религиоведения, не стыкующаяся с мировыми классическими и отечественными научными традициями. Отсюда и употребление оригинально-самобытных «религиоведческих» терминов («духовная война», «тюменский протестантизм», «русские славяне», «осатанение значительного слоя молодежи», «научная критика неоязычников», «колорит адвентистов седьмого дня» и т.п.).

По классификации профессора кафедры религиоведения ТГНГУ автор этих строк, закончившая в свое время очную аспирантуру и защитившая кандидатскую диссертацию на ведущей российской кафедре религиоведения МГУ им. М.В. Ломоносова, преподающая ныне курсы социологии религии и социологии духовной жизни на выпускающей кафедре социологии ТюмГУ, курсы религиоведения и истории религии на выпускающей кафедре культурологии ТГИИК, автор более шестидесяти религиоведческих научных и научно-методических публикаций, член экспертного совета по государственной религиоведческой экспертизе при

правительстве Тюменской области, должна отнести себя к «вольношатающимся» «знатокам» религии, неоправданно участвующим в конференциях, некомпетентно «поучающим чиновников» и учителей на учебно-методических практикумах, несправедливо (очевидно, обманным путем) выигрывающим сугубо религиозные гранты (поскольку религиозная парадигма автора этих строк поддержана грантом губернатора области-2005, грантом РГНФ-2005-2006). Явно по недоразумению, если судить с высоты позиции поучающего всех профессора кафедры ТГНГУ, «вольношатающийся» автор этих строк принят в члены российского сообщества религиоведов при УМС УМО по классическому университетскому образованию.

Что тут скажешь? Причина в критериях: раз ты не на кафедре религиоведения ТГНГУ, раз ты не разделяешь наш взгляд на религию и религиоведение – ты не религиовед, а «вольношатающееся» недоразумение. Подобные критерии и оценки выглядят сногшибательными, однако в данном случае они вполне закономерны, поскольку в научно-религиоведческом дискурсе разговор способен вести только профессиональный религиовед. Суть профессии религиоведа, его статус, да и статус самого религиоведческого знания (в частности, его отличия от религиозного знания) в нашем отечественном самосознании и общественном мнении пока весьма размыты, не определены четко, противоречиво освещаются в СМИ. Малограмотность и полная безграмотность в вопросах религиоведения констатируются итогами разнообразных социологических исследований, отчетливо проявляются в интерактивных опросах, в политических дискуссиях и т.п. Тюменская общественность – не исключение.

Какой научно-религиоведческий багаж и методологический опыт за плечами новорожденной кафедры религиоведения ТГНГУ? Какую научную истину и о какой религии несет она в своей учебной и просветительской деятельности? Каких специалистов скоро выпустит? О каком религиоведческом профессионализме идет речь применительно к кафедре, рожденной и действующей «по благословлению» и в тесном сотрудничестве с ТТЕ РПЦ? Ответы на эти вопросы сколь очевидны, столь и дискуссионны, все зависит от плоскости рассмотрения. Как бы то ни было, вряд ли целесообразно и допустимо смешивать религиозные и вероисповедные (конфессиональные) знания, выдавать собственный субъективный взгляд на вещи за объективно-научный и единственно верный, в эмоциональном полемическом задоре наклеивая ярлыки и подменяя понятия. Напротив, в публичном выступлении, в газетной публикации необходимо, как нам представляется, четко различать конфессиональный интерес (в данном случае, защита от клеветы православных священников, оправданная с позиции РПЦ) и задачу религиоведческого просвещения, далекую от конфессионально-теологических споров, отстаивающую, прежде всего, паритетность конфессий в межрелигиозном диалоге.

В статье утверждается, что «структура контингента обучающихся на кафедре светского религиоведения в Тюмени практически точно отражает конфессиональную структуру населения России». Не понятно, о какой конфессиональной структуре идет речь, где, кем и как она определяется – по количеству верующих? (по их самоидентификации?) или по числу зарегистрированных организаций? Здесь можно сослаться на многочисленные социологические публикации, на авторитетные мнения российских социологов-религиоведов, отмечающих противоречивость как цифровых данных, так и самих критериев религиозности (к последним некорректно и ненаучно относить «поток крещаемых», на который ссылается статья). Репрезентативные (пилотажные и мониторинговые) исследования, проводимые в Тюменской области учеными и студентами кафедры социологии ТюмГУ, свидетельствуют о весьма противоречивой мировоззренческой картине православной самоидентификации, включая и студенческую среду. Стоит ли напоминать компетентному специалисту, что религиоведческий анализ обязан быть взвешенным и обоснованным, а не эмоциональным и публицистично-лозунговым, что предполагает обращение к научно-достоверным данным и серьезным исследованиям.

В итоге приходится признать, что некоторые высказывания автора статьи представляются нам не столько дискуссионными и неубедительными по своему содержанию, сколько непродуманными и некорректными по форме, а иные и вовсе граничат с опечатками. Например, не может же всерьез полагать уважаемый коллега, что вузовская кафедра подменяет собой правоохранительные органы? Между тем, читаем: «Факт существования религиоведческого образовательного подразделения (кафедры) препятствует самому существованию социально-девиантных структур и сдерживает желание совершить какое-либо религиозное преступление». Остается недоумевать, то ли о преступлениях студентов ТГНГУ идет речь, то ли о вузовских криминальных (девиантных) структурах?

Так мешает или нет православная мировоззренческая и идеологическая позиция статья «прекрасно образованным светским специалистом-религиоведом» (то есть, очевидно, профессиональным религиоведом)? Автор статьи весьма эмоционально защищает «крест на шее религиоведа», который кто-то якобы пытается сорвать... Вряд ли нуждается в дополнительной аргументации тот факт, что «православный

религиовед-профессионал» остается православным (верным истине православной веры) в любом религиоведческом вопросе, уводя тем самым религиоведение из сферы научно-объективного анализа в сферу мировоззренческой полемики. О какой религиоведческой непредвзятости и научной беспристрастности (объективности) может идти речь, если любая публикация религиоведов кафедры ТГНГУ так и кипит межрелигиозными страстями, пронизана сверхкатегоричными выводами-поучениями? А что такое язык религиоведения и каковы законы религиоведческой этики – здесь и вовсе лишний вопрос.

В конце концов, так и остается загадкой, при чем здесь религиоведение, если речь идет о защите своей веры и убеждений? Назваться религиоведом и быть им, соответствовать такому статусу – две большие разницы. Как резонно замечал Д.И. Менделеев, «сказать – оно всё можно, а ты поди, демонстрируй».

Марина Николаевна Ересько, кандидат философских наук, доцент Тюменского госуниверситета.

Автор: Артур Скальский © Babr24.com РЕЛИГИЯ, РОССИЯ 👁 3239 11.11.2007, 17:05 📌 168

URL: <https://babr24.com/?ADE=41044> Bytes: 20464 / 20449 Версия для печати

👍 [Порекомендовать текст](#)

Поделиться в соцсетях:

Также читайте эксклюзивную информацию в соцсетях:

- [Телеграм](#)

- [ВКонтакте](#)

Связаться с редакцией Бабра:

newsbabr@gmail.com

НАПИСАТЬ ГЛАВРЕДУ:

Телеграм: [@babr24_link_bot](#)

Эл.почта: newsbabr@gmail.com

ЗАКАЗАТЬ РАССЛЕДОВАНИЕ:

эл.почта: bratska.net.net@gmail.com

КОНТАКТЫ

Бурятия и Монголия: Станислав Цырь

Телеграм: [@bur24_link_bot](#)

эл.почта: bur.babr@gmail.com

Иркутск: Анастасия Суворова

Телеграм: [@irk24_link_bot](#)

эл.почта: irkbabr24@gmail.com

Красноярск: Ирина Манская

Телеграм: [@kras24_link_bot](#)

эл.почта: krasyar.babr@gmail.com

Новосибирск: Алина Обская

Телеграм: [@nsk24_link_bot](#)

эл.почта: nsk.babr@gmail.com

Томск: Николай Ушайкин

Телеграм: [@tomsk24_link_bot](#)

эл.почта: tomsk.babr@gmail.com

[Прислать свою новость](#)

ЗАКАЗАТЬ РАЗМЕЩЕНИЕ:

Рекламная группа "Экватор"

Телеграм: @babrobot_bot

эл.почта: eqquatoria@gmail.com

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО:

эл.почта: babrmarket@gmail.com

[Подробнее о размещении](#)

[Отказ от ответственности](#)

[Правила перепечаток](#)

[Соглашение о франчайзинге](#)

[Что такое Бабр24](#)

[Вакансии](#)

[Статистика сайта](#)

[Архив](#)

[Календарь](#)

[Зеркала сайта](#)